

УДК 821.161.1
УДК 882.1

Д.Э. НАЧЕШНИКОВА
(diaynka@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ЭМОЦИЯ ТРЕВОГИ В ЛИРИКЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Доказывается тезис, что для лирического героя Лермонтова свойственно постоянное чувство тревоги. Но если в ранний период творчества этот факт обусловлен романтической традицией и субъективным самоощущением лермонтовского «Я», то в зрелые годы тревожные переживания поэта следует связывать с объективным фактором – социальным неблагополучием человека 30-х годов.

Ключевые слова: дискретные эмоции, «лермонтовский человек», тензионные эмоции, тревога, тревожность.

Частотный словарь языка М.Ю. Лермонтова фиксирует, что понятие «тревога» и производные от него слова входят в тысячу самых частых слов, употребленных поэтом [6, с. 765]. Тревожная нота звучит уже в ранних стихотворениях Лермонтова, например, в элегии 1829 г. «Гроза». Этот факт связан не только с жанровой природой лирического текста. Романтический герой-одиночка демонстрирует самоощущение лермонтовского «Я» в мире, неустранимость трагического разлада с ним.

Как утверждают психологи, тревога является результатом активности воображения, фантазии будущего [3, с. 142]. Для юного поэта естественными являются тревожные мысли о предстоящей судьбе: *Грядущее тревожит грудь мою / Как жизнь я кончу, где душа моя / Блуждать осуждена...* [5, с. 234]. Герой Лермонтова томится в предвкушении неизведанного: *Желанье и тоска / Тревожат беспрестанно эту грудь* («1831-го июня 11 дня») [Там же, с. 237].

Поэтика романтизма требовала гиперболизации в изображении чувств. Как отмечает Е.Ф. Манаенкова, ранняя лирика Лермонтова – лирика романтических страстей, отражающая «избыток чувств»... [7, с. 135]. Это утверждение, безусловно, относится и к описанию чувства тревоги начинающим поэтом: *Я к состоянью этому привык, / Но ясно выразить его б не мог / Ни ангельский, ни демонский язык: / Они таких не ведают тревог* («1831-го июня 11 дня») [5, с. 238]. Даже загробный мир не обещает лермонтовскому герою избавления от вселенской тревоги: *Но чувствую: покоя нет, / И там и там его не будет...* («1830. Майя. 16 число») [Там же, с. 176].

При этом юный автор стремится к достоверному изображению душевных движений. По мнению психологов, тревога – ... эмоциональное состояние острого внутреннего мучительного беспокойства, связываемого в сознании индивида с прогнозированием неудачи, опасности или же ожидания чего-то важного, значительного для человека в условиях неопределенности. Человек, испытывающий тревогу, выражает жалобы следующим образом: «как-то не по себе», «неспокойно», «внутренняя дрожь», «нет покоя» [3, с. 142].

Романтический герой Лермонтова, противопоставляя себя природе и людям, свою тревогу определяет именно как отсутствие покоя: *О! Если б дни мои текли / На лоне сладостном покоя и забвенья...* («Элегия», 1829) [5, с. 140]. Написанное в связи со смертью отца стихотворение «Ужасная судьба отца и сына...» (1831) содержит горькие воспоминания поэта «О днях, потерянных в тревоге и слезах» его мечтой становится «спокоен... конец» [Там же, с. 265]. В стихотворении 1832 года «Что толку жить!» встречается самохарактеристика лирического героя Лермонтова – «беспокойный гений» [Там же, с. 301].

Как видим, «лермонтовский человек» изначально лишен покоя. В лирических монологах он пытается осмыслить причины своих тревожных переживаний. Чаще всего называется несчастная любовь: герой не может освободиться от первого безответного чувства в элегии «Ночь» («Один я в тишине ноч-

ной...», 1830): «...женский взор! / Причина стольких слез, безумств, тревог!» для героя стихотворения «1831-го июня 11 дня». В свою очередь, несчастный стремится нарушить покой коварной возлюбленной: *И речь моя ум твой встревожит...* («К***») («Не ты, но судьба виновата была...»), 1830-31 гг.) [Там же, с. 219].

Беспокоят автора и мысли о признании его поэтического труда: *Но не достигну я ни в чем / Того, что так меня тревожит: / Все кратко на шару земном, / И вечно слава жить не может* («Слава», 1830-31 гг.) [Там же, с. 222]. В программном для юношеской поэзии стихотворении-размышлении «1831-го июня 11 дня» Лермонтов приходит к итоговой мысли: «корень мук в себе самом».

В лирике 1837–1841 гг. романтический максимализм поэта уступает место естественным человеческим чувствам. Тревога лермонтовского героя становится более глубокой, по-настоящему трагичной. Так, в посвящении А.Г. Хомутовой («Слепец, страданьем вдохновенный...», 1838 г.), имеющем реальную основу и рассказывающем о встрече двух влюбленных через много лет, когда их счастье было невозможным, Лермонтов попытался выразить нравственную красоту тех, кому оно обращено. Сила неувядаемого чувства лирического героя передается через описание его искренних душевных движений: *...но ваши речи, / <...> / При первом звуке новой встречи / Его встревожили сильней* [Там же, с. 56].

Обозначенные Лермонтовым еще в юности причины возникновения тревоги, как правило, обусловлены, наличием «незаконченных ситуаций, заблокированной активности, не дающей возможности разрядить возбуждение» [3, с. 142]. Неразделенная любовь – по-прежнему одна из основных причин тревог лирического персонажа зрелой лермонтовской лирики. Но теперь в его «безыскусственном рассказе» какая-либо рисовка исключена: *Но я вас помню – да и точно, / Я вас никак забыть не мог! / Во первых, потому, что много / И долго, долго вас любил, / Потом страданьем и тревогой / За дни блаженства заплатил...* («Валерик», 1840 г.) [5, с. 86].

От имени участника кровавой битвы поэт спокойно и просто рассказывает о «тревогах дикой войны». И такой убедительной кажется его мысль, что человек враждует «напрасно»: у него «иных тревог / Довольно есть» [5, с. 91]. Так же для Лермонтова всегда оставался важным вопрос поэтического труда. Поэзия для него – это прежде всего результат творческого вдохновения, «огня божественного», не мыслимого без тревожных переживаний создателя, когда: *на сердце – жадная тоска; / <...> / И как-то весело и больно / Тревожить язвы старых ран...* («Журналист, читатель и писатель», 1840 г.) [Там же, с. 80–81].

Заметим, что тревогу автор нередко связал с целым рядом эмоций. По всей видимости, он пытался найти наиболее точные формы выражения этого сложного душевного состояния. Например, тревогу лирического героя, оказавшегося в условиях неволи («Пленный рыцарь», 1840 г.), Лермонтов передает через сочетание следующей комбинации чувств: *«В небе играют все вольные птицы; / Глядя на них, мне и больно и стыдно»* [Там же, с. 82].

Как бы подтверждая достоверность изображения душевного переживания «лермонтовского человека», автор теории дифференцированных эмоций К. Изард пишет: «... тревога является комплексным эмоциональным переживанием, а не неким отдельным монолитным феноменом» [2, с. 322]. Причем на уровне субъективного переживания комбинация дискретных эмоций тревожного состояния может быть неповторимо-индивидуальной.

Мотив беспокойства в лермонтовской лирике со временем наполняется новыми смысловыми оттенками [8]. Символический образ дубового листка-странника воплощает тревожное одиночество человека в мире: *Один и без цели по свету ношуся давно я, / Засох я без тени, увял я без сна и покоя* («Листок», 1841) [5, с. 108]. Фиксация тягостно-неопределенного самоощущения лирического героя одного из самых проникновенных стихотворений поэта «Выхожу один я на дорогу...» (1841): *Что же мне так больно и так трудно? / Жду ль чего? жалею ли о чем?* [5, с. 109].

Среди источников тревоги психологи называют как внутрличностные конфликты, так и внешние факторы [4, с. 61]. В зрелой лирике Лермонтова предметом глубокого анализа становится чувство, неотделимое от объективных условий социальной предопределенности. С необыкновенной выразительностью и силой поэт воплотил мир идей и переживаний передового человека переходной эпохи. Неотступное чувство тревоги лермонтовского лирического героя отражает теперь эмоциональное и социальное неблагополучие человека в обществе.

Известно, что тревога, закрепившись, становится достаточно устойчивым образованием, переходит в свойство личности – тревожность. Человек, пребывающий в тревоге, не осуществляет полное действие и занят тем, что подавляет растущую агрессию, в результате чего может впасть в апатию [8, с. 264]. И все-таки апатичное, «постыдно равнодушное» поколение 30-х годов, представленное Лермонтовым в «Думе» (1838), не совсем безнадежно. И «энергия благородного негодования» [1, с. 521] поэта не напрасна. За гневной отповедью Лермонтова таится надежда, что глубоко скрытое в душе его современников чувство тревоги не позволит им состариться в бездействии.

В психологической литературе тревогу относят к тензионным эмоциям [4], т.е. эмоциям напряжения. Лермонтов пытается передать это состояние лирического «Я» разными художественными приемами. Мы отметили прямое название понятия тревоги и описание тревожного состояния лермонтовского героя в поэтических текстах. Также автором широко используются различные тропы и фигуры поэтической речи. Например, в стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» встречаются риторические вопросы (см. выше), анафорические восклицания: *Я ищу свободы и покоя! / Я б хотел забыться и заснуть!* [5: 109]; неоконченные предложения, выдающие волнение лирического субъекта: *Но не тем холодным сном могилы...* Имеют место различные формы звукописи (например, аллитерация – частое повторение шипящих звуков, имитирующее тихую речь); инверсия, свидетельствующая о душевной сумятице: *Уж не жду от жизни ничего я...* [5, с. 109].

Ощущение напряжения передается и на уровне ритмической организации. Так, в стихотворении «Валерик» рифмовка лишена всякой упорядоченности: рифмы то перекрестные: *И знать вам также нету нужды, / Где я? что я? в какой глуши? / Душою мы друг другу чужды, / Да вряд ли есть родство души* [5, с. 86]; то смежные: *Страницы прошлого читая, / Их по порядку разбирая / Теперь остынувшим умом, / Разуверяюсь я во всем; то охватывающие: Смешно же сердцем лицемерить / Перед собою столько лет; / Добро б еще морочить свет! / Да и при том, что пользы верить...* При этом могут рифмоваться два или три стиха без всякой регулярности.

О лермонтовском стихотворении 1837 г. «Когда волнуется желтеющая нива...» Б.М. Эйхенбаум писал: «Лирический центр стихотворения, его настоящая тема – ...постоянная и неизбежная для человека “тревога души”» [9, с. 76]. Таким образом, душевная тревога неизменно сопровождает «лермонтовского человека» на протяжении всего его пути.

Литература

1. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 4. М.: АН СССР, 1954.
2. Изард К.Э. Психология эмоций / перев. с англ. СПб.: Питер, 2000.
3. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001.
4. Куликов Л.В. Психогигиена личности. Основные понятия и проблемы. СПб.: СПбГУ, 2000.
5. Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4-х т. Т. 1 / Вступ. статья и комм. Г.П. Макогоненко. М.: Правда, 1986.
6. Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В.А. Мануйлов. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999.
7. Манаенкова Е.Ф. Эмоциональный мир лирики М.Ю. Лермонтова пансионского периода // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. Филологические науки. Волгоград, 2013. №6 (81). С. 135–141.
8. Манаенкова Е.Ф. Пространство тревоги в лирике М.Ю. Лермонтова // Восток – Запад: диалог культур в пространстве русской словесности: сб. науч. ст. по итогам Шестой Междунар. науч. конф., посвящ. третьей годовщине основания Института Конфуция в ВГСПУ. Волгоград, 14-15 октября 2014 г. / отв. ред. Н.Е. Тропкина. Волгоград, 2015. С. 259–265.
9. Эйхенбаум Б.М. Статьи о Лермонтове. М., Л.: АН СССР, 1961.

NACHESHNIKOVA D.E.
Volgograd State Socio-Pedagogical University

Emotion of anxiety in Lermontov's lyrics

The paper deals with the idea that Lermontov's lyrical hero tends to have a constant feeling of anxiety. But if in the early period of Lermontov's works this feeling is caused by romantic tradition and a subjective sense of self of Lermontov's «ego», in his later works this feeling of anxiety should be considered as a result of objective factors such as the ill-being of the 1830s.

Key words: discrete emotions, "Lermontov's characters", tension emotions, anxiety, inquietude.